

УДК 329.11

Иоахим ДЕЦ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОПОПУЛИСТСКОГО ПОВОРОТА В ПОЛЬШЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-экономического развития Польши, которые лежат в основе правопопулистского поворота в ее политике. Автор задается вопросом, был ли успех в борьбе за власть «социально ориентированных правых» (представленных преимущественно партией «Право и справедливость») оправдан негативными социально-экономическими процессами в период правления либеральной партии «Гражданская платформа» (2007–2015 гг.). Предлагаемый анализ касается трех сюжетов: растущего социального расслоения общества; проблемы безработицы; вопроса иммиграции и использования импортируемой рабочей силы. Исследование показало, что социальные и экономические реалии в Польше до 2015 года не всегда были реальным основанием для резкой критики со стороны правопопулистских партий. Успех правых партий был обусловлен ожиданиями проведения более эффективной социальной политики.

Ключевые слова: Польша, правые, популизм, «Право и справедливость», «Гражданская платформа», правый поворот, экономическая политика, социальная политика.

Политические процессы обычно оцениваются *post factum*. В этом смысле политологи превращаются в историков, видя свою миссию, во-первых, в точном описании того, что и когда случилось, и, во-вторых, в поисках причин, приведших к этим процессам. Цель предлагаемой статьи не в описании самого правопопулистского поворота в польской политической жизни, а в попытке найти и объяснить суть процессов, которые привели к росту националистических настроений в общественном сознании и восхождению партии «Право и справедливость» в политическом и административном планах. Исследование основано на анализе данных, контент-анализе

© Дец Иоахим Александрович – доктор политических наук, профессор, руководитель Кафедры исследований евразийского региона, Ягеллонский университет в Кракове. Адрес: 30-059, Польша, Краков, ул. Реймонта 4 E-mail: joachim.diec@uj.edu.pl

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720194958>

некоторых нарративов и непосредственном сравнении с аналогичными явлениями в других странах.

Победа правопопулистского лагеря

25 октября 2015 года на парламентских выборах в Сейм Польши (нижнюю палату) и в Сенат (верхнюю палату) победила партия «Право и Справедливость». Это вполне соответствовало ожиданиям СМИ и социологическим прогнозам. Национал-консервативные силы – на самом деле это не только «Право и справедливость», но целая коалиция правых партий. В их числе: «Солидарная Польша» (Solidarna Polska), «Польша вместе» (Polska Razem), «Правые Республики» (Prawica Rzeczypospolitej), «Католическо-национальное движение» (Ruch Katolicko-Narodowy), Партия «Пяст». Все они совместно получили 37,58% голосов. Бывший лидер – Центристско-либеральная «Гражданская платформа» (Platforma Obywatelska) – 24,09%, «KUKIZ'15» – популистская анти-истеблишментская инициатива – 8,81%, нелиберальная «Современная Рышарда Петру» (Nowoczesna Ryszarda Petru) – 7,6%, «Объединенные левые» – 7,55%, «Польская крестьянская партия» – 5,13, «Либертарианская партия «KORWiN» – 4,76%, Радикально-левая партия «Вместе» – 3,62% [Państwowa Komisja Wyborcza, 2015].

При анализе цифр поражение ранее правящих либералов и аграриев выглядит совсем не таким очевидным, как может казаться. Голоса, отданные за правые партии, в том числе и придерживающихся откровенно популистских тенденций («Право и справедливость» плюс «KUKIZ'15»), составили 46,39%. Проблема состояла в том, что левые, будучи коалицией нескольких партий, должны были получить по крайней мере 8% голосов для преодоления избирательного барьера, но их не получили. Недотянули до него и либертарианцы из «KORWiN». Иными словами, 12,31% голосующих потеряли или, точнее, не получили своего представительства в нижней палате. Более того, метод Д'Ондта (передача мест от побежденных победителям выборов) однозначно продвинул победителей, которые в конце концов получили 51,09% мест в Сейме. В верхней палате, состоящей из 100 сенаторов, ситуация была еще более однозначной, так как победившие правые получили 61 место всего лишь с 39,99% голосов [Państwowa Komisja Wyborcza, 2015].

Причины такого положения дел нужно рассматривать не только на уровне страны. Диапазон этого явления давно пересек пределы одного государства или даже региона. Правопопулистский поворот отмечался в Италии, где в огромной степени расширилось влияние (Северной) «Лиги»; в Германии, где впервые после окончания Второй мировой войны в Бундестаге появились право-левые националисты – «Альтернатива для Германии»; в Великобритании с её «UK Independence Party», а потом «Brexit» Party; в Венгрии с антииммигрантской партией ФИДЕС Виктора Орбана и с находящейся в оппозиции к ней националистской партии «Йоббик»; в Австрии, где «Австрийская народная партия» во главе с Себастианом Курцем получила 31,5% голосов на выборах в национальный парламент, прошедших 15 октября 2015 года. Особо можно отметить популярность националистического и антииммигрантского «Национального Фронта» во Франции во главе с Марин Ле Пен, которому, правда, пока не удается выиграть президентские или парламентские выборы.

Правый поворот в Польше находится в тренде, характерном для многих европейских стран после 2010 года. Он состоит не в возвращении традиционализма, особой религиозности, усилении уважения к частной собственности или ее реституции (наоборот, в Польше эта идея очень критиковалась как криминогенная), в абсолютном соблюдении законодательных норм, особенно конституции [Davis, 2018]. «Правый» характер поворота заключается скорее в том, что он стремится защитить сферу традиций и нравов и выступает против принятия беженцев и экономических мигрантов (хотя это совершенно противоречит идее христианского милосердия и призывам римского понтифика папы Франциска). В то же время парадоксально, что правые на этот раз выступают как защитники социальных прав [Polakowski, Szelewa, 2017: 4]. Обращаются не к буквальному толкованию законов, а к приоритизации чувства социальной справедливости и защите от иностранного давления [Greven, 2016: 3]. Они продвигают идею поддержки тех, кто не стал бенефициаром экономических и политических изменений после краха эпохи коммунизма и советизации. Именно поэтому справедливо возникает вопрос о материальных и субъективных причинах возникновения такой идеологии, и, что намного важнее, ее практического успеха.

Успех «Права и справедливости» в 2015 году можно объяснить несколькими причинами, однако более правильно будет искать их среди тем и проблем, действительно волновавших народ в конце периода правления либералов. Язык «ПиС» долгое время олицетворял негативное отношение к политической действительности и был направлен против «истэблшмента», т.е. группы бизнесменов и политиков, с одной стороны, связанных с коммунистическим режимом и, с другой, восходящих к движению «Солидарность» и группе леволиберального толка [Булахтин, 2013, с. 70-71]. В целом доминировал нарратив необходимости изменений, так как правительства Дональда Туска, действовавшие в период президентства Бронислава Коморовского, считались идеологами «ПиС» «антипольскими». В действительности, после неудачных выборов 2007 года лидеры «ПиС» призвали к созданию альтернативного общества со своей системой образования, прессой и идеологией. Как это ни странно, через какое-то время одна из самых консервативных партий начала продвигать этот тезис [Лыкошина, 2011].

Однако в 2015 году основным лозунгом избирательной кампании стал еще более ясный и понятный населению: «Мы справимся: работа – не только лишь обещания». На первый взгляд, программа и риторика «Права и справедливости» просто стала носителем позитивного содержания. Однако постулат «работаем» означал: «они – либералы, представляют польские интересы и работы Вам дать не смогут». Другие пункты имели аналогичный характер. «Гражданская платформа», опасаясь очевидных демографических трудностей и неопределенного статуса пенсионного фонда, повысила пенсионный возраст до 67 лет, что было без энтузиазма встречено обществом. «ПиС» выдвинул лозунг возвращения прежнего возраста выхода на пенсию – 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин. Это звучало как очередной подарок, уступка чаяниям народа. Кроме того, правопопулистский лагерь однозначно категорически отрицал принятие миграционных квот, которые главные игроки Евросоюза навязывали другим государствам ЕС. Но наиболее привлекательным моментом явилась программа «500 плюс», гарантировавшая семьям полу-

чение 500 злотых ежемесячно (1 евро = 4,25 польских злотых) за второго и каждого последующего ребенка до достижения ими 18-летнего возраста [Program Prawa i Sprawiedliwości, 2014, с. 108 и сл.]. Таким образом, в предвыборных обещаниях были учтены интересы практически всех групп населения. Старшим – пенсию, средним – работу, молодым – содействие в создании семьи.

Безусловно, послание, которое содержала в себе такая программа, было завуалированным, но предельно ясным. «Пис» брала обязательства решить проблему безработицы, которая казалась неразрешимой в руках предыдущей команды. «Пис» обязывалась увеличить семейные доходы и сделать жизнь более справедливой, потому что предыдущая либеральная политика привела к росту диспропорций. «Пис» обязывалась заменить либеральную политику «солидарной». Обещала сдержать мощную волну мусульманской иммиграции, которой собиралось открыть двери бывшее у власти правительство. И, наконец, что может кому-то быть слишком знакомым, «Пис» выступила с лозунгом, используемым и за границами Польши: «Мы заставим Польшу встать с колен и восстановим свою национальную гордость!»

Вопрос грядущего неравенства

Какой страной, с точки зрения «социальной справедливости», была в то время Польша? Можно ли сказать, что действительно она была государством с нарастающим социальным неравенством? Статистические данные однозначно отвечают на этот вопрос. В «либеральные годы» правления правительств «Гражданской платформы», возглавляемых Дональдом Туском и Евой Копач, коэффициент Джини для Польши снизился с 33,5 до 31,8. Это происходило при непростой международной обстановке и указывает на продолжающуюся эгалитаризацию общества. Во время последующих двух годов правительства «Права и справедливости» индекс был снижен с 34,5 до 33,5 [FRED Economic Data, 2019, May 3]. На фоне процессов, происходивших в других странах Центральной Европы в 2007–2015 гг., ситуация в Польше была исключительной, поскольку характеризовалась падением индекса неравенства, хотя в целом его уровень был довольно скромным, если учитывать факт, что, например, в США он не падает ниже 41. В Германии, самом влиятельном польском экономическом партнере в ЕС, коэффициент Джини вырос за последние годы с 31,3 до 31,7 [Trading Economics, 2016], а в почитаемой «Правом и справедливостью» Венгрии – с 27,9 до 30,4 [FRED Economic Data, 2018, Apr 25].

Проблема безработицы

Риторика правых популистов долгие годы основывалась на утверждении, что реформы 1990-х годов уничтожили или за смешные деньги передали иностранным субъектам «бесценное» национальное богатство, созданное в коммунистическое время. В результате граждане Польши лишились промышленного потенциала и работы. Не подвергается сомнениям факт, что кризис 2007–2008 гг. вызвал растущую волну безработицы в большинстве стран мира, включая США и членов Евросоюза. В Польше безработица достигала в 2012–2013 гг. показателя в 13,4%. Однако уже в середине второго десятилетия эксперты в Евросоюзе и в Польше предсказывали, что

следующие годы будут характеризоваться постепенным ростом экономики и, что еще важнее для общественного сознания, падением уровня безработицы. М.Стопка за год до выборов 2015 года, основываясь на анализе циклов польской экономики, предсказывал падение безработицы в период с 2014–2018 годах до 5% [Stopka, 2014]. Спустя несколько лет данные о безработице в Польше полностью подтвердили выводы М. Стопки.

Таблица 1.

Уровень зарегистрированной безработицы в Польше в %, (на декабрь указанного в таблице года)

2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
9,5	12,1	12,4	12,5	13,4	13,4	11,4	9,7	8,2	6,6	5,8

Источник: *Główny Urząd Statystyczny [2019]*

Кстати, динамика уровня безработицы за рассматриваемый период во всех государствах ЕС не сильно отличалась от польской. Мы можем наблюдать низкие уровни вплоть до первых месяцев 2008 года, когда взрыв пузыря на рынке жилья окончательно уничтожил Goldman Sachs и инициировал стандартные, повсеместные признаки рецессии. Если уровень безработицы в 28 странах ЕС в январе 2008 года не превышал 6,7%, то в последующие годы наблюдался значительный рост, достигший 10,8 % в 2013 году. После этого уровень безработицы начал сокращаться, достигнув лишь 9,7% в конце 2014 года. Восстановление мировой и европейской экономики в 2015 году стало лучшим подарком новой политической команде в Польше [Eurostat Newsrelease. Euroindicators, 2014].

Таблица 2.

Уровень занятости в Евросоюзе, в %

2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
70,2	68,9	68,5	68,6	68,4	68,4	69,2	70,1	71,1	72,2	73,2

Источник: *Eurostat Statistics Explained [2019]*

По аналогии, уровень занятости в ЕС после сложного периода, связанного с кризисом 2008 года, стал жертвой замедления экономики. Статистические данные процессов после бума 2000-х гг. не оставляют сомнений в отношении сути явлений, происходивших в то время. Однако после 2014 года мы наблюдаем позитивную тенденцию в целом в Евросоюзе, поэтому случай Польши не является исключением.

Угроза пришествия «инородцев»

Можно с уверенностью утверждать, что факт неожиданного роста популярности праворадикальных идей в Польше во многом был обусловлен международной ситуацией, которая имела решающее влияние на внутривнутриполитические, экономические и социальные процессы. Ее значение оказалось долгосрочным, хотя в течение

нескольких лет она провоцировала разные противоречивые тенденции. Основным международным событием стал европейский миграционный кризис, опасения последствий которого были многократно усилены пропагандой в СМИ.

После «арабской весны» и активизации действий исламских фанатиков из ИГИЛ (организации, запрещенной в РФ) ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке стала чрезвычайно напряженной. Сотни тысяч людей, а возможно и миллионы, оказались в отчаянном положении. Это вызвало массовую миграцию в безопасные государства Южной Европы, особенно в Турцию, Грецию, Италию и Испанию. Достаточно быстро это стало общей европейской проблемой. Со временем мигранты двинулись на север в расчете на безопасное убежище и социальную защиту в более богатых Германии, Франции и Великобритании. Польша не была пунктом назначения массовых потоков мигрантов. Тем не менее, требования основных игроков ЕС о том, чтобы делить проблему беженцев на «справедливой» основе между всеми государствами – членами, требовали разумного ответа. Польское правительство, в котором доминировала либеральная «Гражданская платформа», было вынуждено реагировать. Премьер-министр Э. Копач декларировала принятие квоты в 5 082 беженца, полагая, что реальное число будет еще ниже из-за ожидаемой положительной реакции некоторых других членов ЕС [Kancelaria Prezesa Rady Ministrów, 2015a].

Вопреки катастрофическим прогнозам оппонентов тогдашнего правительства, нет доказательств того, что оно серьезно рассматривало возможность принять больше беженцев с Ближнего Востока, чем было определено согласованной квотой. Более того, 24 сентября 2015 года Э. Копач выразила надежду, что беженцы, которые будут покидать Польшу для жизни и обустройства в других государствах или возвращающиеся домой, станут настоящими «послами» современной Польши [Kancelaria Prezesa Rady Ministrów, 2015b]. Таким образом, она непосредственно намекнула на временный характер планируемого пребывания беженцев в Польше. Более того, в то время в правительственных кругах господствовало мнение, что на самом деле беженцы в Польше никогда не станут проблемой. Это утверждение мотивировалось большей привлекательностью для иммигрантов других государств, где исторически уже десятилетиями существовали их общины. Последнее давало основание полагать, что после короткого обязательного периода пребывания в Польше мигранты уедут в Германию или другие более богатые и привлекательные страны, где им будет легче получить социальные блага и встретить людей, родственных их культурному, национальному и религиозному миру.

Придя к власти в 2015 году, партия «Право и справедливость» подчеркивала невозможность и неприемлемость принятия миграционных потоков. В ход шли даже не имевшие основы предположения, вроде возможной угрозы эпидемий (пандемии), вызванных пришествием нежелательных гостей. Эта риторика совпадала с настроениями в обществе, так как большинство населения Польши (по тогдашним опросам – около 60%) было против того, чтобы принять даже незначительное количество людей, представляющих страны и народы, традиционно исповедующие ислам. Опросы общественного мнения и в последующие месяцы не демонстрировали существенных изменений в настроениях [Centrum Badań Opinii Społecznej, 2017: 3]. 30 ноября 2017 года в совершенно иных реалиях антииммигрантский нар-

ратив был усилен заявлением по вопросам права и правосудия, сделанной премьер-министром Б. Шидло, которая сказала, что проблема миграции может быть решена только путем оказания помощи странам, из которых вынуждены уезжать потенциальные иммигранты, с целью улучшения условий жизни там и демократизации внутривнутриполитических процессов [Kancelaria Prezesa Rady Ministrów, 2017].

Значительные изменения в международных отношениях, процессы, происходящие как в «старушке» Европе, так и на востоке Старого континента приобрели совершенно неожиданный характер в Польше. С самого начала событий 2014 года политические круги в стране ожидали скорее отрицательных последствий конфликтной ситуации. Несмотря на сложность российско-украинских отношений, вряд ли кто-либо ожидал такой большой политической и военной турбулентности в отношениях между этими странами, соседствующими с Польшей. События Евромайдана в 2013–2014 гг. и отторжение Крыма в пользу России в феврале – марте 2014 года привели к довольно неожиданным изменениям в польской экономике. Первым сработал факт частичной экономической изоляции России в связи с присоединением Крыма и поддержкой сепаратистских движений на востоке Украины. Такой ход событий стал причиной сокращения западными фирмами инвестиций к востоку от польской границы и помог сохранить и даже увеличить количество иностранного капитала в Центральной Европе.

Другим, гораздо более важным фактором, стал массовый приток украинских беженцев, экономических иммигрантов, студентов. Это было вызвано серьезными проблемами с безопасностью, особенно в восточных регионах, граничащих с зоной боевых действий, и с общим экономическим состоянием Украины. Для польского государства, которое столкнулось с мировым экономическим бумом и, вследствие этого, с сокращением числа рабочих рук, так как определенный процент граждан Польши логично предпочел работать за большую зарплату в западных странах с более высоким уровнем развития экономики, приток граждан Украины, с удовольствием вливающих в качестве производственной силы в польскую экономику, оказался подарком судьбы. Обещание вернуть прежний пенсионный возраст могло бы оказаться фактически безрассудным, учитывая ситуацию на рынке труда. Экспертам было ясно, что развивающейся экономике необходимо большое количество работников и что без «свежей крови» этот пробел ни в коем случае не удастся восполнить. Можно констатировать: драматическая ситуация в Украине фактически спасла польский рынок труда. В противном случае дефицит рабочей силы вызвал бы неминуемое давление на уровень зарплат и негативно отразился на конкурентоспособности польской экономики.

В 2015–2018 гг. Главное статистическое управление Польши отметило резкий рост количества выдаваемых иностранцам разрешений на работу. Цифры не оставляют места для сомнений: в 2015 г. было выдано 65786 разрешений; в 2016 г. – 127394; в 2017 г. – 235626; в 2018 г. – 328768. Таким образом, общее количество выданных разрешений достигло 757574. Особенно интересным кажется факт выдачи 2,5% разрешений на работу в 2018 году работникам из Бангладеш, преимущественно мусульманской страны. Данный факт означает, что польское государство в 2018 году разрешило примерно 8 200 гражданам, вероятнее всего исповедующим

ислам, работать на его территории [Główny Urząd Statystyczny, 2019b]. Если это сравнить с квотой, на которую давало согласие правительство «Гражданской платформы» и аграриев в 2015 году (5 082), то цифры представляются почти невероятными. Однако сохраняется основной вопрос: каким образом можно было удовлетворить потребности рынка, выводя из него сотни тысяч людей, отправляемых на пенсию, и в то же время сокращать возможности для иммиграции? Даже с учетом того, что Польша в 2019 году стала практически государством без безработицы, это представляется почти невозможным.

Оценим польское общество до 2015 года и после с точки зрения изменений уровня жизни. Из-за ограниченного формата статьи остановим внимание лишь на одном, однако, возможно, самом главном показателе – продолжительности жизни. В 2007–2015 гг. продолжительность жизни мужчин выросла с 71,0 до 73,6 года, что дало среднегодовой прирост 0,325 года, а продолжительность жизни женщин выросла с 79,7 до 81,6 года. Среднегодовой рост составил 0,2376. В годы правления ПиС в период 2015–2018 гг. средняя продолжительность жизни мужчин увеличилась с 73,6 до 73,8 года, а женщин – с 81,6 до 81,7 года, при этом ежегодный прирост составил 0,05 и 0,025 соответственно [Główny Urząd Statystyczny, 2019a]. Приведённые расчеты показывают, что в либеральные годы продолжительность жизни мужчин росла в 6,5 раза быстрее, чем в «солидарный» период правления консервативных националистов, а продолжительность жизни женщин – в 9,5 раз. Хотя, конечно, нельзя не учитывать, что с повышением средней продолжительности жизни происходит замедление темпов её роста. Совсем не принимать во внимание предложенные цифры было бы также неправильно.

* * *

Подводя итоги анализа некоторых элементов политического дискурса, представленного правыми популистами, и статистических данных, мы можем прийти к выводу, что существуют некоторые показатели, которые описывают реальное состояние польского общества и экономики после 8 лет либерального управления на фоне последующих лет.

В области социального расслоения рассматриваемый период был временем непрерывной эгалитаризации. Нет никаких доказательств в поддержку тезиса о растущем неравенстве.

Проблема безработицы отражает тенденции, обнаруживаемые на всем европейском континенте. Сокращение безработицы после 2015 года было предсказано много лет назад и обусловлено макроэкономическими тенденциями, а также демографическим сокращением польской рабочей силы.

Угроза иммиграции как социальной проблемы до 2015 года была преувеличена. Массовая иммиграция стала действительно важным фактором после поражения либералов. При этом можно констатировать, что именно она в значительной мере и спасла рынок труда в Польше от проблем.

Наиболее важный показатель развития человеческого потенциала, а именно продолжительность жизни, демонстрировал несравненно лучшую динамику в 2008–2015 гг., чем в 2015–2018 гг.

Истинная причина успеха правых популистов заключается не в объективном состоянии общества и экономики, а, скорее, в изменении настроений в обществе и государстве. В том числе и в стремлении вести более амбициозную социальную политику.

Список литературы

- Булахтин, М.А. (2013) *Борьба партии Право и справедливость за новую модель польской республики*, Зарубежный опыт государственного управления и международные отношения, № 4, с. 65–74
- Лыкошина, Л.С. (2011) «Польско-польская война» начала XXI века, «Россия и современный мир». Россия в XXI веке, 2011. № 4, с. 158–173.

References

- Centrum Badania Opinii Społecznej (2017) Komunikat z badań nr 1/2017. *Stosunek Polaków do przyjmowania uchodźców*. Warszawa
- Davis, Ch. (2018) *Hostile Takeover: How Law and Justice Captured Poland's Courts*, Freedom House, May 2008, <https://freedomhouse.org/sites/default/files/poland%20brief%20final.pdf>
- FRED Economic Data (2018, Apr 25) GINI Index for Hungary, <https://fred.stlouisfed.org/series/SIPOVGINIHUN>
- FRED Economic Data (2019, May 3) GINI Index for Poland, <https://fred.stlouisfed.org/series/SIPOVGINIPOL>
- Główny Urząd Statystyczny (2019a) *Statistics Poland. Life expectancy in Poland*, <https://stat.gov.pl/en/topics/population/life-expectancy/life-expectancy-in-poland,1,3.html>
- Główny Urząd Statystyczny (2019b) *Stopa bezrobocia rejestrowanego w latach 1990-2019*, <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/rynek-pracy/bezrobocie-rejestrowane/stopa-bezrobocia-rejestrowanego-w-latach-1990-2019,4,1.html>
- Główny Urząd Statystyczny (2019c) *Zezwolenia na pracę cudzoziemców w Polsce w 2018 r.*, <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/rynek-pracy/opracowania/zezwozenia-na-prace-cudzoziemcow-w-polsce-w-2018-r-,18,2.html>
- Greven, T. (2016) *The Rise of Right-wing Populism in Europe and the United States: A Comparative Perspective*, Friedrich Ebert Stiftung, Berlin
- Eurostat Newsrelease. Euroindicators (2014) December 2014, 20/2015 - 30 January 2015, <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6581668/3-30012015-AP-EN.pdf/9d4fbadd-d7ac-48f8-b071-672f3c4767dd>
- Eurostat Statistics Explained (2019) *Employment statistics. Data from May 2019*, https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Employment_statistics
- European Commission (2015) Autumn 2015 economic forecast, https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-performance-and-forecasts/economic-forecasts/autumn-2015-economic-forecast_en
- Kancelaria Prezesa Rady Ministrów (2015a) *Uchodźcy w Polsce – fakty i mity*, <https://www.premier.gov.pl/wydarzenia/aktualnosci/uchodzcy-w-polsce-fakty-i-mity.html>
- Kancelaria Prezesa Rady Ministrów (2015b) *Premier Ewa Kopacz: Uchodźcy, którzy przybędą do Polski, to nie "kwoty", a konkretni ludzie*, <https://www.premier.gov.pl/wydarzenia/aktualnosci/pr-emier-ewa-kopacz-uchodzcy-ktorzy-przybada-do-polski-to-nie-kwoty-a.html>

Kancelaria Prezesa Rady Ministrów (2017) *Premier Beata Szydło: Problem migracyjny można rozwiązać tylko pomagając na miejscu*, <https://www.premier.gov.pl/wydarzenia/aktualnosci/premier-beata-szydlo-problem-migracyjny-mozna-rozwiazac-tylko-pomagajac-na.html>

Państwowa Komisja Wyborcza (2015) Dane statystyczne dotyczące wyborów do Sejmu RP i Senatu RP na dzień 25 października 2015 r., https://parlament2015.pkw.gov.pl/aktualnosci/7_Statystyka

Polakowski, M.; Szelewa, D. (2017) *Prawicowy zwrot w polityce*, Friedrich Ebert Stiftung, Berlin

Program Prawa i Sprawiedliwości (2014) Warszawa.

Stopka, M. (2014) *Bezrobocie w latach 2014-2018 spadnie do 5%: Cykl dziesięcioletni na rynku pracy i w polskiej gospodarce*, <https://www.michalstopka.pl/bezrobocie-w-polsce-spadnie-do-5-w-2018-roku-cykl-dziesiecioletni-na-ryнку-pracy-w-praktyce/>

Trading Economics (2016) GINI Index for Germany, <https://tradingeconomics.com/germany/gini-index-wb-data.html>

The Socio-Economic Ground for the Right-Populist Turn in Poland

Author. Diec J., Doctor of Sciences (Political), Associate Professor at Jagiellonian University in Krakow, Poland. Chair in Eurasian Area Studies. **Address:** Uniwersytet Jagielloński, ul. Reymonta 4, 30-059, Kraków. **E-mail:** joachim.diec@uj.edu.pl; iriew.uj@interia.eu; ORCID: 0000-0002-3335-3772

Abstract. The article is devoted to the social and economic background that served as the basis for the right-populist turn in Polish politics. It aims to detect whether the success of "socially-oriented rightists" (represented predominantly by the Law and Justice party) was convincingly justified by negative socio-economic processes in the period of the liberal Civic Platform party government (2007-2015). The results of the presented analysis may be useful while determining the main models of social, economic, and ideological pressure on the directions of political changes in contemporary Europe. The reasoning presented in the study is predominantly based on data analysis, including comparative measures, and sometimes, in the case of ideological issues, on content analysis. The analysis is concentrated mainly on three issues: the question of inequality (growing social stratification), the problem of unemployment, and the vulnerable issue of immigration, which became an important topic in the EU after the Arab Spring. The search through selected data leads to the conclusion that the main indicator (Gini coefficient) presents Poland in the years 2007-2015 as a zone of obvious egalitarianization. A drastic reduction of the unemployment rate in Poland was expected many years before 2015 and its dynamics precisely reflects the EU tendencies: a rise of unemployment rates after 2008 and a gradual shrink after 2012. The worries about immigration were justified neither by the declarations nor by real policies of the Civic Platform governments. Mass immigration, predominantly from Ukraine (as well as from Muslim Bangladesh) became reality after 2015 and enjoyed absolute acceptance of the new government. The conclusion of the study lies in the conviction that the socioeconomic reality before 2015 in Poland did not justify harsh criticism. The success of right populists most likely resulted from the expectations to conduct a more effective social policy.

Key words: Poland, right, populism, alt-right, Law and Justice, Civic Platform, social policy, economic policy.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720194958>